

Русские пословицы о счастье

Татьяна Бочина

Казанский федеральный университет, Россия

tbochina@yandex.ru

1. Введение

В пословичном фонде любого народа немаловажное место занимают пословицы и поговорки о счастье, в которых отражается традиционное отношение к гедонистическим ценностям. Особую значимость для постижения русской философии счастья имеют пословицы, представляющие собой народную «дефиницию» счастья-несчастья. Это, во-первых, изречения с «банальной» рифмой (*доля – воля, несчастье – ненастье, горе – море* и т.п.), во-вторых, пословицы образной дезидентификации, построенные по модели **А не Б: (потому что) В: Счастье не корова: не выдоишь; Счастье не конь (не кляча): хомута не наденешь (не взнуздаешь); Счастье не лошадь: не везет по прямой дорожке; Не курочка (счастье), не прикормишь; Счастье не батрак: за вихор не притянешь; Счастье не палка, в руки не возьмешь; Счастье не кляп: в руки не возьмешь; В счастье – не в чурки: из руч не убьешь; В счастье – не в бабки: свинчаткой кону не выбьешь.** С точки зрения структуры они представляют собой бессоюзное сложное предложение с пояснительным значением, в котором пояснительные отношения (В) сопровождают собой отрицание идентичности (А не Б).

2. Основная часть

2.1. Концепт «Счастье» в пословицах образной дезидентификации

Несмотря на все разнообразие терминов сравнения, представляющихся современному носителю языка оригинальными остроумными образами, и различие мотивировок, дающих основание для этих "неожиданных" сопоставлений, данные пословицы являются весьма цельным и последовательным отображением концепта Счастье. Пучок понятий, связанных с этим концептом, довольно полно передан В.Далем в его словаре: **счастье** (*со-частье, до-*

ля, *пай*): 1) рок, судьба, часть и участь, доля; 2) случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, спорина в деле, не по расчету (указание на пресловутый русский фатализм!); 3) благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство (СД-4, 471). К этому необходимо добавить неотрывную связь счастья с богом: "Самое слово бог первоначально означало... *fatum*. В санскрите ему соответствует *bhagas* (от *bhag* – делить) – часть, доля, отломок, а потом счастье и высочайшее существо, имущее в своих руках всякие дары и разделяющее их между смертными" и далее: "*с-божие* аналогично с словом *с-частие*: в разных славянских наречиях оно означает или вообще – имущество, достояние, богатство, или в частности – хлеб, главное богатство земледельца" (Аф.-3,187).

Паремии *Счастье не корова: не выдоишь; Счастье не конь (не кляча): хомута не наденешь (не взнуздаешь); Счастье не лошадь: не везет по прямой дорожке* своей образностью восходят к доисторическим временам, когда главное богатство пастушеских племен заключалось в стадах, скоте (Аф.-1,334), а в крестьянской России отождествление счастья-богатства с коровой и лошадью сохранялось до XX века. Сравни также: *Не то счастье, о чем во сне бредишь, а вот то счастье, на чем сидишь да едешь; Счастье на коне, несчастье под конем*.

Пословица *Не курочка (счастье), не прикормишь* напоминает о святочных гаданиях, когда девушки о своей судьбе, особенно о замужестве, будущем муже, узнавали по тому, какой из предметов (воду, хлеб, золотые, серебряные, медные кольца и пр.) курица клюнет первым (Забылин 1980: 16-17), таким образом, курица была вестником судьбы, грядущего счастья-несчастья.

Образ, использованный в пословице *Счастье не батрак: за вихор не притянешь*, своим происхождением обязан древним персонификациям Судьбы, Счастья, Доли в народных сказках, преданиях, песнях (обзор см.: Аф.-

3,194-206). В них Счастье (доброе) выступало как работник, верный слуга, батрак человека, а его антипод Счастье (злое) – как ленивый соня, гуляка и пьяница.

Вера в то, что счастье – от бога, проявлялась не только в традициях Суда божьего, гаданий о будущем, но также и "в обычае метать в сомнительных случаях жребий и его указание принимать за приговор всеведущего божества" (Аф.-3,189). Отсюда и одно из значений слова *жребий* – "рок, судьба, участь, доля, счастье", и устойчивые выражения: "*Каждому свой жребий. От жеребья не уйдешь. Жеребий сыщет. Жеребий святое дело, бесспорное. Жеребей – Божий суд. Жеребий метать, после не хлопотать, не пенять. Таланец братец, жеребеек батюшка. Жеребий дурак: родного отца в солдаты отдаст*" (СД-1, 534). В России метание жребия часто принимало форму конания: *конаться* – "меряться по палке или по веревке, метать жеребей" (СД-2,149). Очевидно, с этим обычаем связано близкое соседство в сознании счастья и палки, их метонимическое уподобление: *Счастье, что палка: о двух концах*, что повлекло за собой необходимость в подчеркивании их нетождественности в поговорках *Счастье не палка, в руки не возьмешь* и *Счастье не кляп: в руки не возьмешь*, где *кляп* – "чирок, чиж, палочка, срезанная с конца наконечника, по которой бьют на земле палкою, отбивая ее влет" (СД-2,123).

Обычай конания позднее был перенесен на игры: *конаться* – "означать кого для выхода счетом, в играх", "считаться конами, в бабки" (СД-2,149); *кон* – "поприще, место игры, постановки, напр. порядок козен, бабок, кеглей"; *конить* – "в играх, где бросают бабку, палку: перекидывать, бросать далее" (СД-2, 154). Следовательно, отрицание идентичности счастья и игры в народных изречениях *В счастье – не в чурки: из руч не убьешь*; *В счастье – не в бабки: свинчаткой кону не выбьешь* также не случайно и базируется на устойчивых ассоциациях.

Таким образом, все 9 пословиц, подчеркивающие несходство счастья с такими разными объектами, как корова, лошадь, курица, батрак, палка, игра,

представляют собой стройную систему, отражающую древнейшее понимание судьбы и счастья. Зафиксированное в них понимание счастья более всего соответствует 2 мифологическим моделям судьбы – Судьбы Распределительницы и Судьбы Играющей (Арутюнова 1999: 624-628). Более того, пояснительные части данных пословиц, несмотря на все их разнообразие, последовательно указывают на фаталистическое отношение русского народа к счастью, которое нельзя ни приручить (*взять в руки*), т.е. *обуздать* или *прикормить*, ни приблизить (*притянуть за вихор*), ни *выдоить*, т.е. использовать до конца и по своему усмотрению, ни добыть целенаправленными действиями, ни предугадать из-за неожиданных поворотов. Ср. с пословицей, опубликованной в сборнике XX века: *Счастье не перепелка: решетом не накроешь* (ЗС,158).

2.2. Концепт «Счастье» в пословицах с традиционной рифмой

Пословичный концепт Счастье зафиксирован также в так называемых "банальных", или традиционных, рифмах, в которых "образные и звуковые параллели слились в одну поэтическую фигуру" (Брик 1997: 17). Среди рифм, неоднократно воспроизведенных в русских поговорках, можно выделить пары, связанные с гедонистическими ценностями – антиценностями: *счастье – несчастье, воля – доля, горе – море*.

Известно, что в первобытной поэзии ведущим началом являлась повторяемость не звуковых, а смысловых комплексов (Мелетинский 1972: 157); наследуя и развивая семантическую традицию древнего искусства слова, народная поэзия использует рифму в её подлинной смысловой ассоциативной функции, рифма выступает как "рычаг ассоциативного мышления, "возбудителем" которого является звуковой повтор" (Самойлов 1982: 87).

Так, традиционная оппозиция *счастье – несчастье* (ср.: *счастье – несчастье*): *Кому счастье – кому несчастье; Глупому счастье, умному несчастье; Во сне счастье, наяву несчастье* в древности не имела метафорической подоплёки, ибо значение слова *погода* 'состояние атмосферы' развилось постепенно, вычленившись из синкретичной семантики 'время – удача – пого-

да' (Хачатурова 1999: 14), следовательно, непогода, ненастье понимались как неудачное, несчастливое время. Отражением этих древних отношений и является параллелизм и отождествление в пословицах (не)счастья и (не)погоды: *Счастье, что веинее вёдро* (ненадёжно); *Счастье с бесчастьем – вёдро с ненастьем*.

Одной из высокочастотных рифм русского провербиального пространства является триада Поле – Воля – Доля (рифмопары *поле – воля, воля – доля, поле – доля*), в которой завязаны ключевые понятия народного мировоззрения: Поле как важнейшая ипостась русского Космоса, Воля как одна из стержневых и специфических ценностей русского культурного архетипа (в отличие от западного понимания свободы) и Доля как представление о том, что есть судьба.

Значение лексемы *доля* – "жребий, участь, судьба, рок" (СД-1,463) – синкретично по своей природе: *доля* – судьба вообще, судьба и счастливая, и несчастливая. Значение же областного слова *недоля* семантически сложнее, представляемый им класс явлений уже: "несчастье, злополучие, беда" (СД-2,513), иными словами, *недоля* – судьба несчастливая. Таким образом, отношения между производящим и производным в словаре родовидовые: судьба – несчастливая судьба. Однако типичная аксиологическая противоположность словообразовательных антонимов типа *а:неа* позволяет использовать их в целях организации антитезы *Недоля пудами, доля золотниками*, где оппозиция *доля – недоля* осмысливается как противоположность видовая: 'счастливая судьба' – 'несчастливая судьба'.

Рифмопара *воля – доля* глубоко символична, поскольку древние славяне признавали судьбу божьей волей: "От глагола *делить* ... образовалось слово *доля*, означающее не только *pars* (отдел), но и судьбу (то, что выпало человеку на часть, на долю, что досталось ему в у-дел...)" (Аф.-3,187): *Наша доля – Божья воля; Господня воля, наша доля; Такова доля, что Божья воля*. Поэтому рифмующиеся слова-понятия нередко отождествляются: *Волька моя*

волюшка, горькая долюшка; На свою долюшку, вволюшку; Воля не воля – такая наша доля (Суженого и на коне не объедешь). С другой стороны, в народном сознании твёрдо закрепились убеждённости в том, что судьба не зависит от воли ‘желания’ и намерений человека (ср. персонифицированные образы Доли и Недоли, действующие в фольклоре и древнерусской литературе). Кроме того, народная мудрость предостерегает, что избыток воли “свободы действий, независимости” ведет к своевольству, необузданности (*Воля и добру жену портит*), и как следствие, – к худшей доле: *Своя волюшка доводит до горькой долюшки; Дай себе волю, заведет тебя в лихую долю; Воле воли – хуже доля; Дураку воля, что умному доля: сам себя губит.* Но все же *Безвольный, что бездольный, а Своя волюшка раздолюшка.* В последней паремии видно, насколько тесно в народном сознании связаны *воля – доля – раздолье – поле.* Сравни определение В. Даля: “раздолье (от доля, судьба) простор, обилие и воля, свобода”, наличие в языке омонимов *раздолие* (от *допь, долина*) и *раздолье* (от *доля*).

О теснейшей смысловой связи концептов *Поле, Воля, Доля* свидетельствует и рифмованное сочетание крайних членов триады *поле – доля*, также имеющее длительную историю бытования в русском паремиологическом фонде. Ср. древнюю *Моя-то доля с чашкой в поле* (т.е. мой удел собирать милостыню) и более современную паремию *Крестьянская доля на широком поле.* И в XX веке в арсенале народной фразеологии продолжается жизнь концептуальной триады: *Была бабья доля – умереть в неволе, стала светлой доля на колхозном поле.*

Как видим, в ассоциативно-вербальном блоке пословиц с рифмой *поле – воля – доля* преобладают тексты, отражающие народные представления о лучшей доле: *доля – это воля вольная, соединившая простор действий с простором неограниченного пространства русского поля.* Тем не менее поэтическая история рифмы-символа включает в себя и выражение контрастных

отношений: *Там своя воля, а тут своя доля; Во всем доля, да воли ни в чём; Не в воле счастье, а в доле.*

Еще один гедонистический инвариант образуют рифмопары *беда – вода, горе – море, кручина – пучина*, которые отражают, с одной стороны, негативную символику воды, а с другой – отношение к горю-несчастью как к неуправляемой неподвластной человеку стихии. Устойчивость данных представлений обуславливает то, что в ассоциативно-вербальном блоке пословиц о воде-беде преобладают высказывания, в которых рифмующиеся слова-понятия отождествляются, а "пословицы оказываются результатом семантического развёртывания рифмы" (Гин 1988: 142). Среди них можно выделить паремии, в которых между компонентами рифмы устанавливаются отношения тождества: *Огонь беда и вода беда; а без огня и воды – и пуще беды*; подобия: *Тут в горе – ровно кит в море; Беда за бедой, как волна за волной; Горе – что море: ни переплыть, ни вылакать; Кто в кручине, тот что корабль в пучине*; параллелизма на базе сходства: *Глуби моря не высушить, горю сердца не вымучить; Всех вод не испить, всех бед не изжить; Не грози щуке морем, а нагому горем*; имплицативные: *Где много воды, там жди беды; Дальше моря, меньше горя. Ближе моря, больше горя*; причинно-следственные: *На обеде все соседи, а пришла беда – они прочь, как вода; Вода пришла – и беда прошла; Пришло горе, взволновалось море: люди тонут, и нас туда же гонят*. Стереотипные представления о горе, как о море, на определённом этапе развития народной мысли переосмысляются, находятся основания для их контрастного разуподобления: *Горе не море: выпьешь до дна.*

3. Заключение

Таким образом, в русских пословицах о счастье отражается фаталистическое отношение к счастью-несчастью.

Библиография

Источники и сокращения

Аф. – Афанасьев, А.Н. (1995): *Поэтические воззрения славян на природу*: В 3-х т. Москва.

СД – Даль, В. (1981): *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1- 4. Москва.

Литература

Арутюнова, Н.Д. (1999): *Язык и мир человека*. Москва.

Брик, О.М. (1997): "Звуковые повторы (Анализ звуковой структуры стиха)", в: *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология*; 116-120.

Гин, Я.И. (1988): "Заметки о русском провербиальном пространстве", в: *Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора*. Т.1; 141-143.

Забылин, М. (1990): *Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия*. Москва

Мелетинский, Е.М. (1972): "Первобытные истоки словесного искусства", в: *Ранние формы искусства*; 149-189.

Самойлов, Д.С. (1982): *Книга о русской рифме*. Москва

Хачатурова, Ю.К. (1999): *Функционально-семантические особенности слов с корневым -год в русском языке*: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань.